

Конец века

«Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в высшем смысле этого слова — не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства».

Чаннинг.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Иоан. VIII, 32.

I. КОНЕЦ ВЕКА, УНИЧТОЖЕНИЕ СТАРОВОГО. ПРИЗНАКИ И ПРИЧИНЫ

Век и конец века на евангельском языке не означает конца и начала столетия, но означает конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей и начало другого мировоззрения, другой веры, другого способа общения. В Евангелии сказано, что при таком переходе от одного века к другому будут всякие бедствия: предательства, обманы, жестокости и войны, и по причине беззакония охладает любовь. Я понимаю эти слова не как сверхъестественное пророчество, а как указание на то, что когда та вера, тот склад жизни, в котором жили люди, будут заменяться иным, когда будет отпадать отжившее старое и замещаться новым, неизбежно должны будут происходить большие волнения, жестокости, обманы, предательства, всякого рода беззакония, и вследствие этих беззаконий должна охладеть любовь, самое важное и нужное для общественной жизни людей свойство.

Это самое и совершается теперь не только в России, но во всем христианском мире: в России оно только проявилось более ярко и открыто, во всем же христианском мире происходит то же самое, только в скрытом (латентном) состоянии.

Я думаю, что теперь, именно теперь, жизнь христианских народов находится близко к той черте, которая разделяет кончающийся старый век от начинающегося нового. Думаю, что теперь, именно теперь, начал совершаться тот великий переворот, который готовился почти 2000 лет во всем христианском мире, переворот, состоящий в замене извращенного христианства и основанной на нем власти одних людей и рабства других — истинным христианством и основанным на нем признанием равенства всех людей и истинной, свойственной разумным существам свободой всех людей.

Внешние признаки этого я вижу в напряженной борьбе сословий во всех народах, в холодной жестокости богачей, в озлоблении и отчаянии бедных; в безумном, бессмысленном, всё растущем вооружении всех государств друг против друга; в распространении неосуществимого, ужасающего по своему деспотизму и удивительного по своему легкомыслию учения социализма; в ненужности и глупости возводимых в наиважнейшую духовную деятельность праздных рассуждений и исследований, называемых наукой; в болезненной развращенности и бессодержательности искусства во всех его проявлениях; главное же, не только в отсутствии в имеющих наибольшее влияние на других какой бы то ни было религии, но в сознательном отрицании всякой религии и замене ее признанием законности подавления слабых сильными и потому в полном отсутствии каких бы то ни было разумных руководящих начал в жизни.

Таковы общие признаки наступающего переворота или, скорей, той готовности к перевороту, в которой находятся христианские народы. Временные же исторические признаки или тот толчок, который должен начать переворот, — это только что окончившаяся русско-японская война и одновременно с нею вспыхнувшее и никогда прежде не проявлявшееся революционное движение среди русского народа.

Причину разгрома японцами русской армии и флота видят в несчастных случайностях, в злоупотреблении русских правительственных лиц; причину революционного движения в России видят в дурном правительстве, в усиленной деятельности революционеров; последствием же этих событий представляется как русским, так и иностранным политикам ослабление России и перестановка центра тяжести в международных отношениях и изменение образа правления русского государства. Я же думаю, что эти события имеют гораздо более важное значение. Разгром русской армии и флота, разгром русского правительства не есть только разгром армии, флота и русского правительства, а признак начинающегося разрушения русского государства. Разрушение же русского государства есть, по моему мнению, признак начала разрушения всей лжехристианской цивилизации. Это конец старого и начало нового века.

То, что привело христианские народы к тому положению, в котором они теперь находятся, началось уже давно. Оно началось с тех пор, как христианство было признано государственной религией.

Такое учреждение, как государство, держащееся на насилии, требующее для своего существования полного повиновения своим законам преимущественно перед законом религиозным, учреждение, не могущее существовать без казней, войск и войн, учреждение, приписывающее почти божеское значение своим правителям, учреждение, возвеличивающее богатство и могущество, — такое учреждение принимает в лице своих правителей и подданных христианскую религию, провозглашающую полное равенство и свободу всех людей, полагающую один закон Бога выше всех других законов, принимает религию, не только отрицающую всякое насилие, всякое возмездие, казни и войны, но и предписывающую любовь к врагам, религию, возвеличивающую не могущество и богатство, а смирение и нищету, — это-то учреждение в лице своих языческих правителей принимает эту христианскую религию. И правители и их советники, большею частью совсем не понимая сущности истинного христианства, совершенно искренно возмущаются против людей,

исповедующих и проповедующих христианство в его истинном значении, и с спокойной совестью казнят, изгоняют их и запрещают им проповедывать христианство в его истинном смысле. Духовенство запрещает чтение Евангелия и признает только за собой право толковать священное писание, придумывает сложные софизмы, оправдывающие невозможное соединение государства и христианства, и устраивает торжественные обряды, гипнотизирующие народ. И большинство людей веками живет, считая себя христианами, не подозревая даже сотой доли значения истинного христианства. Но как ни велик был престиж государства, как ни продолжительно было торжество его, как ни жестоко подавлялось христианство, раз высказанную истину, открывающую человеку его душу, составляющую сущность христианства, нельзя было заглушить. Чем дольше продолжалось такое положение, тем яснее становилось противоречие между христианским учением смирения и любви и государством — учреждением гордости и насилия. Величайшая плотина в мире не может задержать источника живой воды. Вода неизбежно найдет себе путь или через плотину, или размыв или обойдя ее. Дело только во времени. Так это было с скрытым государственной властью истинным христианством. Государство долго удерживало его живую воду, но пришло время, и христианство разрушает задерживающую его плотину и увлекает за собой ее остатки. Внешние признаки того, что время это пришло именно теперь, я вижу в легко одержанной японцами победе над Россией и в тех волнениях, которые одновременно с этой войной охватили все сословия русского народа.

II. ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ ЯПОНЦЕВ

Как всегда бывало и бывает при всех поражениях, так и теперь причину поражения русских стараются объяснить ошибками побежденного: дурным устройством русского военного дела, злоупотреблениями и промахами начальников и т. п. Но главное не в этом. Причина успехов японцев не столько в дурном управлении Россией или в дурном устройстве русских войск, сколько в большом, положительном превосходстве японцев в военном деле. Япония победила не потому, что русские слабы, а потому что Япония теперь едва ли не самая могущественная в мире на суше и на море военная держава; и это так, во-первых, потому, что все те научные технические усовершенствования, которые давали преимущество в борьбе христианским народам над нехристианскими, усвоены японцами (вследствие их практичности и той важности, которую они приписывают военному делу) много лучше, чем то было сделано народами христианскими; во-вторых, потому, что японцы по природе своей более храбры и равнодушны к смерти, чем теперь христианские народы; в-третьих, потому, что тот воинственный патриотизм, совершенно несогласный с христианством, который с таким усилием вводился и поддерживался христианскими правительствами среди своих народов, живет до сих пор во всей своей нетронутой силе среди японцев; в-четвертых, потому, что, рабски подчиняясь деспотической власти обожествляемого микадо, сила японцев более сосредоточена и объединена, чем силы народов, переросших свое рабское подчинение деспотизму. Одним словом, японцы имели и имеют огромное преимущество: то, что они не христиане.

Как ни извращено среди христианских народов христианство, оно, хотя смутно, но всё же живет в их сознании, и люди-христиане, во всяком случае лучшие из них, не могут уже отдавать все свои духовные силы на изобретение и приготовление орудий убийства, не могут не относиться более или менее отрицательно к воинственному патриотизму, не могут, как японцы, распарывать себе животы, только бы не отдаться в плен врагу, не могут взрываться на воздух вместе с неприятелем, как это было прежде, не ценят уже, как прежде, военных доблестей, военного геройства, все менее и менее уважают военное сословие, не могут уже без сознания оскорбления человеческого достоинства рабски подчиняться власти и, главное, не могут уже, по крайней мере большинство, равнодушно совершать убийства.

Всегда и в мирных деятельности, несогласных с духом христианства, христианские народы не могли бороться с нехристианами. Так это было и продолжает быть в борьбе денежной с нехристианами. Как бы плохо и превратно ни толковалось христианство, христианин (и чем более он христианин, тем более) сознает, что богатство не есть высшее благо, и потому не может положить на него все свои силы, как делает это тот, у кого нет никаких идеалов выше богатства, или тот, для кого богатство есть благословение божие.

То же и в области нехристианской науки и искусства. И в этих областях позитивной, опытной науки и искусства, ставящего себе целью удовольствие, первенство принадлежало и принадлежит и всегда будет принадлежать наименее христианским людям и народам.

То, что мы видим в проявлении деятельности мирной, то тем более должно было быть в деле войны, прямо отрицаемой истинным христианством. Вот это-то необходимое превосходство в военном деле нехристианских народов над христианскими с полной очевидностью проявилось в блестящей победе японцев над русскими. И в этом неизбежном и необходимом превосходстве нехристианских народов над христианскими и заключается огромное значение японской победы.

Значение победы японцев заключается в том, что победа эта самым очевидным образом показала не только побежденной России, но к всему христианскому миру, всю ничтожность внешней культуры, которой так гордились христианские народы, показала, что вся эта внешняя культура, которая казалась им каким-то особенно важным результатом вековых усилий христианского человечества, есть нечто очень неважное и столь ничтожное, что никакими особенными высшими духовными свойствами не отличающийся японский народ, когда ему понадобилось, в несколько десятков лет усвоил себе всю научную мудрость христианских народов, с бактериями и взрывчатыми веществами включительно, и так хорошо сумел практически применить эту мудрость к практическим целям, что стал в применении этой мудрости к военному делу и в самом военном деле, столь высоко ценимом христианскими народами, выше всех христианских народов.

Христианские народы веками под предлогом самозащиты придумывали одно перед другим самые действительные способы истребления друг друга (способы, тотчас же применяемые всеми другими противниками) и пользовались этими способами и для угрозы друг другу и для приобретения всякого рода выгод среди нецивилизованных народов в Африке и Азии. И вот среди нехристианских народов появляется народ воинственный, ловкий и переимчивый,

который, увидав угрожающую ему вместе с другими нехристианскими народами опасность, с необыкновенной легкостью и быстротой усвоил ту простую истину, что если тебя бьют толстой, крепкой дубиной, то надо взять точно такую же ИЛИ еще более толстую и крепкую дубину и бить ею того, кто тебя бьет. Японцы очень скоро и легко усвоили эту мудрость и вместе с тем и всю ту технику войны и, пользуясь сверх того всеми выгодами религиозного деспотизма и патриотизма, проявили такое военное могущество, которое оказалось сильнее самой могущественной военной державы. Победа японцев над русскими показала всем военным державам, что военная власть больше не в их руках, а перешла или вскоре должна перейти в другие, нехристианские руки, так как всем нехристианским, угнетаемым христианами народам в Азии и Африке совсем не трудно, по примеру Японии, усвоив себе военную технику, которой мы так гордимся, не только освободиться, но и стереть с лица земли все христианские государства.

Так что христианские правительства исходом этой войны садам очевидным образом приведены к необходимости еще усиливать и так задавившие своими расходами их народы военные приготовления и, удвоив эти вооружения, всё-таки сознавать, что со временем подавленные ими языческие народы, так же как японцы, обучившись военному искусству, свергнут их иго и отомстят им. Уже не по рассуждениям, а на горьком опыте подтвердилась этой войной не только для русских, но и для всех христианских народов, та простая истина, что насилие ни к чему, кроме как к увеличению бедствий и страданий, привести не может.

Победа эта показала, что, занимаясь увеличением своей военной силы, христианские народы, делали дело не только противное тому христианскому духу, который живет в них, но и безнравственное и глупое дело, такое, в котором они, как христианские народы, должны всегда быть превзойдены и побеждены нехристианскими народами. Победа эта показала христианским народам, что всё то, на что их правительства направляли свою деятельность, было губительно для них и напрасным истощением их сил и, главное, приготовлением для себя более могущественных врагов среди нехристианских народов.

Война эта самым очевидным образом показала, что сила христианских народов никак не может быть в противном духу христианства военном могуществе и что если христианские народы хотят оставаться христианами, то усилия их должны быть направлены никак не на военное могущество, а на нечто другое: на такое устройство жизни, которое, вытекая из христианского учения, давало бы наибольшее благо людям не посредством грубого насилия, а посредством разумного согласия и любви.

В этом великое для христианского мира значение победы японцев.

III. СУЩНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Японская победа показала всему христианскому миру неверность того пути, по которому шли и идут христианские народы. Русским же людям война эта с своими ужасными, бессмысленными страданиями и тратами трудов и жизнью миллионов людей показала, кроме общего для всех христианских народов противоречия между христианским и насильническим государственным устройством, ту страшную опасность, в которой постоянно находятся эти народы, повинувшись своему правительству.

Без всякой надобности, для каких-то темных, личных целей, для каких-то ничтожных лиц, находящихся во главе управления, русское правительство ввергло свой народ в бессмысленную войну, которая ни в каком случае не могла иметь никаких, кроме вредных для русского народа, последствий. Потеряны сотни тысяч жизней, потеряны миллиарды денег, произведения трудов народа, потеряна для тех, которые гордились ею, слава России. И виновники всех этих злодеяний не только не чувствуют своей вины, но упрекают других во всем случившемся и, оставаясь в том же положении, завтра могут ввергнуть русский народ в еще худшие бедствия.

Всякая революция начинается тогда, когда общество выросло из того мировоззрения, на котором основывались существующие формы общественной жизни, когда противоречие между жизнью, какая она есть, и той, какая должна и может быть, становится настолько ясным для большинства людей, что они чувствуют невозможность продолжения жизни в прежних условиях. Начинается же революция в том народе, в котором наибольшее число людей сознают это противоречие.

Что же касается до средств, употребляемых революцией, то средства эти зависят от той цели, к которой стремится революция.

В 1793 году сознание противоречия между идеей равенства людей и деспотичной властью королей, духовенства, дворян, чиновников чувствовалось не только страдающими от своего угнетения народами, но и лучшими людьми властвующих сословий во всем христианском мире. Но нигде эти сословия не были так чутки к этому неравенству и нигде сознание народа не было так мало забито рабством, как во Франции, и потому революция 1793 года началась именно во Франции. Средством же осуществления равенства естественно представлялось тогда отнятие силою того, что имели властвующие, и потому деятели той революции старались осуществить свои цели насилием.

В нынешнем, 1905 году, противоречие между сознанием возможности и законности свободной жизни и неразумностью и бедственностью повиновения насильническим властям, произвольно отбирающим от людей произведения их трудов для немогущих иметь конца вооружений, властям, всякую минуту могущим заставить народы участвовать в бессмысленных и смертоубийственных войнах, чувствуется не только страдающими от этого насилия народами, но и лучшими людьми властвующих сословий. Нигде же противоречие это не чувствуется так резко, как в русском народе. Чувствуется это противоречие теперь особенно резко в русском народе и вследствие нелепой и постыдной войны, в которую русский народ был вовлечен правительством, и вследствие удержавшегося еще среди русского народа земледельческого быта и, главное, вследствие особенно живого, христианского сознания этого народа.

Поэтому я и думаю, что революция 1905 года, имеющая целью освобождение людей от насилия, должна начаться и начинается уже теперь именно в России.

Средства же осуществления цели революции, состоящей в освобождении людей, очевидно должна быть иные, чем то насилие, которым до сих пор люди пытались осуществить равенство.

Людям великой революции, желавшим достигнуть равенства, можно было заблуждаться, когда они думали, что равенство достигается насилием, хотя и казалось бы очевидным, что равенство не может быть достигнуто насилием, так как насилие есть само по себе самое резкое проявление неравенства. Свобода же, составляющая цель теперешней революции, уже ни в каком случае не может быть достигнута насилием. Казалось бы, что это должно бы быть очевидно.

А между тем люди, производящие теперь революцию в России, думают, что насилием свергнув существующее правительство и насилием же учредив новое — конституционную монархию или даже социалистическую республику, они достигнут цели совершающейся революцией — свободы.

Но история не повторяется. Насильническая революция отжила свое время. Всё, что она могла дать людям, она уже дала им и вместе с тем показала, чего она не может достигнуть. Начинаясь теперь революция в России среди совсем особенного по своему складу стоимиллионного народа, и не в 1793 году, а в 1905, никак не может иметь тех целей и осуществиться теми же средствами, как революция, бывшие 60, 80, 100 лет тому назад среди совершенно иного духовного склада германских и романских народов.

Русскому земледельческому стоимиллионному народу, в котором собственно и заключается весь народ, нужна не дума и не дарование каких-то свобод, перечисление которых очевиднее всего показывает отсутствие простой, истинной свободы, не учредительное собрание и замена одной насильнической власти другою, а настоящая, полная свобода от всякой насильнической власти.

Значение начинающейся в России и предстоящей всему миру революции не в установлении подоходных или иных налогов, не в отделении церкви от государства или присвоении государством общественных учреждений, не в организации выборов и мнимого участия народа во власти, не в учреждении республики самой демократической, даже социалистической, с всеобщей подачей голосов, а в действительней свободе.

Действительная же свобода достигается не баррикадами, не убийствами, не какими бы то ни было новыми насильническими учреждениями, а только прекращением повиновения людям,

IV. ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ПРЕДСТОЯЩЕГО ПЕРЕВОРОТА

Основная причина предстоящего переворота, как и всех бывших и будущих революций, — религиозная.

Под словом религия обыкновенно принято понимать или некоторые мистические определения невидимого мира, или известные обряды, культ, поддерживающий, утешающий, возбуждающий людей в их жизни, или объяснения происхождения мира, или нравственные, санкционированные божеским повелением правила жизни; но истинная религия есть прежде всего открытие того высшего, общего всем людям закона, дающего им в данное время наибольшее благо.

Еще до христианского учения среди разных народов был выражен и провозглашен высший, общий всему человечеству религиозный закон, состоящий в том, что люди для своего блага должны жить не каждый для себя, а каждый для блага всех, для взаимного служения (буддизм, Исаия, Конфуций, Лао-Тзе, стоики). Закон был провозглашен, и те люди, которые знали его, не могли не видеть всей его истинности и благотворности. Но установившаяся жизнь, основанная не на взаимном служении, но на насилии, до такой степени проникла во все учреждения и нравы, что, признавая благотворность закона взаимного служения, люди продолжали жить по законам насилия, которые они оправдывали необходимостью возмездия. Им казалось, что без возмездия злом за зло общественная жизнь невозможна. Одни люди брали на себя обязанность для установления благоустройства и исправления людей применять законы насилия и повелевали, другие повиновались. И повелевающие развращались той властью, которой они пользовались. Будучи же сами развращены, они, вместо исправления людей, передавали им свой разврат. Повинующиеся же развращались участием в насилиях власти и подражанием властителям и рабской покорностью.

Тысяча девятьсот лет тому назад появилось христианство. Христианство с новой силой подтвердило закон взаимного служения и сверх того разъяснило причины, по которым закон этот не исполнялся.

Христианское учение с необыкновенной ясностью показало, что причиной этого было ложное представление о законности, необходимости насилия, как возмездия. И с разных сторон, разъяснив неразумность, зловредность возмездия, оно показало, что главное бедствие людей происходит от насилий, которые, под предлогом возмездия, производятся одними людьми над другими. Христианское учение показало, что единственное средство избавления от насилия есть покорное, без борьбы перенесение его.

«Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб, А я говорю вам: не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя

не отвращайся».

Учение это указывало на то, что если судьей того, в каких случаях допустимо насилие, будет человек, совершающий насилие, то не будет пределов насилию, и потому, чтобы не было насилия, надо, чтобы никто ни под каким предлогом не употреблял насилия, в особенности же под самым употребительным предлогом возмездия.

Учение это подтверждало ту простую, само собой понятную истину, что злом нельзя уничтожить зло, что единственное средство уменьшения зла насилия — это воздержание от насилия.

Учение это было ясно выражено и установлено. Но ложное понятие о справедливости возмездия и о необходимости угрозы, как необходимого условия жизни людей, так укоренилось и так много людей не знало христианского учения или знало его только в извращенном виде, что люди, принявшие закон Христа, продолжали жить по закону насилия.

Руководители людей христианского мира думали, что можно принять учение взаимного служения без учения о непротивлении, составляющего замѣк (в смысле свода) всего учения о жизни людей между собой. Принять же закон взаимного служения, не приняв заповеди непротивления, было всё равно, что, сложив свод, не укрепить его там, где он смыкается.

Люди-христиане, воображая, что, не приняв заповеди непротивления, они могут устроить жизнь лучше языческой, продолжали делать не только то, что делали нехристианские народы, но и гораздо худшие дела, и всё больше и больше удалялись от христианской жизни. Сущность христианства, вследствие неполного принятия его, всё больше и больше скрывалась, и христианские народы дошли, наконец, до того положения, в котором находятся теперь, а именно — до превращения христианских народов во вражеские войска, отдающие все свои силы на вооружения друг против друга и готовых всякую минуту растерзать друг друга; и дошли до того положения, что не только вооружились друг против друга, но вооружили и вооружают против себя и ненавидящие их и поднявшиеся против них нехристианские народы; дошли, главное, до полного в жизни отрицания не только христианства, но какого бы то ни было высшего закона.

Извращение высшего закона взаимного служения и заповеди непротивления, данной христианством для возможности осуществления этого закона, — в этом основная религиозная причина предстоящего переворота.

V. ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПРИНЯТИЯ ЗАПОВЕДИ НЕПРОТИВЛЕНИЯ

Мало того, что христианское учение показывало, что мщение и воздаяние злом за зло невыгодно и неразумно, увеличивая зло, — оно показывало и то, что непротивление злу насилием, перенесение всякого насилия без борьбы с насилием было единственное средство достижения той истинной свободы, которая свойственна человеку. Христианское учение показывало, что как только человек вступал в борьбу с насилием, он этим самым лишал себя свободы, так как, допуская насилие для себя против других, он этим самым допускал насилие и против себя и потому мог быть покорен тем насилием, с которым боролся, и если даже оставался победителем, то, вступая в область внешней борьбы, был всегда в опасности в будущем быть покоренным более сильным.

Учение христианское показывало, что свободен может быть только человек, целью своей ставящий исполнение высшего, общего всему человечеству закона взаимного служения, для которого не может быть препятствий. Учение это показывало, что единственное средство как для уменьшения в мире насилия, так и для достижения полной свободы, есть только одно: покорное, без борьбы, перенесение какого бы то ни было насилия.

Христианское учение провозглашало закон полной свободы человека, но при необходимом условии подчинения высшему закону, во всем его значении.

«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. X, 28).

Принявшие это учение во всем его значении, повинаясь высшему закону, были свободны от всякого другого повиновения. Они покорно переносили насилие от людей, но не повиновались людям в делах, не согласных с высшим законом.

И так поступали первые христиане, когда они были в малом числе среди языческих народов.

Они отказывались от повиновения правительствам в делах, не согласных с высшим законом, который они называли законом Бога; они были гонимы и казнимы за это, но не повиновались людям и были свободны.

Когда же целые народы, жившие в установленном и поддерживаемом насилием государственном устройстве, были посредством внешних обрядов крещения признаны христианами, отношение христиан к власти совершенно изменилось. Правительства с помощью покорного им духовенства внушали своим подданным, что насилия и убийства могут быть совершаемы, когда употребляются для справедливого возмездия и для защиты угнетенных и слабых. Кроме того, заставляя людей присягать властям, то есть клясться перед Богом, что они будут беспрекословно исполнять всё, что будет предписано властью, правительства довели своих подданных до того, что люди, считавшие себя христианами, перестали считать запрещенным насилия и убийства. Совершая же насилия и убийства, они естественно подчинялись и тем насилиям, которые совершались над ними.

И сделалось то, что люди-христиане, вместо свободы, провозглашенной Христом, вместо того чтобы считать, как это и было прежде, своим долгом переносить всякое насилие, но не повиноваться никому, кроме Бога, и быть свободными, стали понимать свои обязанности совершенно обратно: стали считать для себя позорным переносить без борьбы насилия

(честь) и считать священной обязанностью повиноваться власти правительств и стали рабами. Воспитываемые в этих преданиях, они не только не стыдились своего рабства, но гордились могуществом своих правительств, как всегда рабы гордятся величием своих господ.

В последнее же время из этого извращения христианства вырос еще новый обман, закрепивший христианские народы в их порабощении. Обман этот состоит в том, что посредством сложного устройства выборов представителей в правительственные учреждения людям известного народа внушается, что, избирая того, кто далее будет вместе с другими избирать того или другого из десятка неизвестных ему кандидатов или избирая прямо своих представителей, они делаются участниками правительственной власти и потому, повинаясь правительству, повинуются сами себе и потому будто бы свободны. Обман этот, казалось бы, должен быть очевиден и теоретически и практически, так как при самом демократическом устройстве и при всеобщей подаче голосов народ не может выразить свою волю. Не может выразить ее, во-первых, потому, что такой общей воли всего многомиллионного народа нет и не может быть, а во-вторых, потому, что если и была бы такая общая воля всего народа, большинство голосов никак не может выразить ее. Обман этот, не говоря уже о том, что выбранные люди, участвующие в правлении, составляют законы и управляют народом не в виду его блага, а руководствуясь по большей части единственной целью среди борьбы партий удержать свое значение и власть, — не говоря уже о производимом этим обманом развращении народа всякого рода ложью, одурением и подкупам, — обман этот особенно вреден тем самодовольным рабством, в которое он приводит людей, подпавших ему. Люди, подпавшие этому обману, воображая, что они, повинаясь правительству, повинуются сами себе, уже никогда не решаются ослушаться постановлений человеческой власти, хотя бы они и были противны не только их личным вкусам, выгодам, желаниям, но и высшему закону и их совести.

А между тем действия и распоряжения правительства таких мнимо самоуправляющихся народов, обуславливаемые сложной борьбой партий и интриг, борьбой честолюбия и корыстолюбия, так же мало зависят от воли и желания всего народа, как и действия и распоряжения самых деспотических правительств. Люди эти подобны заключенным в тюрьмах, воображающим, что они свободны, если имеют право подавать голос при выборе тюремщиков для внутренних хозяйственных распоряжений тюрьмы.

Член самого деспотического дагомейского народа может быть вполне свободен, хотя и может подвергнуться жестоким насилиям от власти, которую не он устанавливал; член же конституционного государства всегда раб, потому что, воображая, что он участвовал или может участвовать в своем правительстве, он признает законность всякого совершаемого над ним насилия, повинуется всякому распоряжению власти.

Так что люди конституционных государств, воображая, что они свободны, именно вследствие этого воображения утрачивают даже понятие о том, в чем состоит истинная свобода. Такие люди, воображая, что они освобождают себя, всё более и более отдаются в всё большее и большее рабство своим правительствам.

Ничто так ясно не показывает того всё большего и большего стремления к порабощению народов, как распространение и успех социалистических теорий, то есть стремление ко всё большему и большему порабощению.

Хотя русские люди в этом отношении и находятся в более выгодных условиях, так как они до сих пор никогда не участвовали во власти и не развращались этим участием, но и русские люди, как и другие народы, подвергались всем обманам возвеличения власти, клятвы, присяги, престижу величия государства, отечества и также считают своей обязанностью во всем повиноваться правительству.

В последнее же время легкомысленные люди русского общества стараются привести русский народ и к тому конституционному рабству, в котором находятся европейские народы.

Так что главным последствием непринятия заповеди непротивления, кроме бедствия всеобщего вооружения и войн, было еще всё большее и большее лишение свободы людей, исповедующих извращенный закон Христа.

VI. ПЕРВАЯ ВНЕШНЯЯ ПРИЧИНА ПРЕДСТОЯЩЕГО ПЕРЕВОРОТА

Извращение учения Христа с непризнанием заповеди непротивления привело христианские народы к взаимной вражде и к вытекающим из нее бедствиям и всё усиливающемуся рабству, и люди христианского мира начинают чувствовать тяжесть этого рабства. В этом основная, общая причина предстоящего переворота. Частные же, временные причины, сделавшие то, что переворот этот начинается именно теперь, заключаются, во-первых, в особенно обличившемся в японской войне безумии всё растущего милитаризма народов христианского мира и, во-вторых, во всё увеличивающихся бедственности и недовольстве рабочего народа, происходящих от лишения этого народа его законного и естественного права пользования землей.

Две причины эти общи всем христианским народам, но, по особенным историческим условиям жизни русского народа, они резче, живее других народов чувствуются русским народом, и именно теперь. Бедственность своего положения, вытекающая из повиновения правительству, особенно ясна стала русскому народу, я думаю, не только вследствие той ужасной, нелепой войны, в которую он был вовлечен своим правительством, но и потому, что русский народ всегда иначе относился к власти, чем европейские народы. Русский народ никогда не боролся со властью и, главное, никогда не участвовал в ней, не развращался участием в ней.

Русский народ всегда смотрел на власть не как на благо, к которому свойственно стремиться каждому человеку, как смотрит на власть большинство европейских народов (и как, к сожалению, смотрят уже некоторые испорченные люди русского народа), но смотрел всегда на власть как на зло, от которого человек должен устраняться. Большинство людей русского народа поэтому всегда предпочитало нести телесные бедствия, происходящие от насилия, чем духовную ответственность за участие в нем. Так что русский народ в своем большинстве подчинялся и подчиняется власти не потому, что не может свергнуть ее, чему хотят научить его революционеры, и не принимает в ней участия не потому, что не может добиться этого участия, чему хотят научить его либералы, а потому, что всегда в своем большинстве предпочитал и предпочитает подчинение насилию, борьбе с ним или участию в нем. От этого установилось и держалось в России всегда деспотическое правление, то есть простое насилие сильного и желающего бороться над слабым или не желающим бороться.

Легенда о призвании варягов, составленная, очевидно, после того, как варяги уже завоевали славян, вполне выражает отношение русских людей к власти даже до христианства. «Мы сами не хотим участвовать в грехах власти. Если вы не считаете это грехом, приходите и властвуйте». Этим же отношением к власти объясняется та покорность русских людей самым жестоким и безумным, часто даже не русским самодержцам.

Так в старину смотрел русский народ на власть и свои отношения к ней. Так в своем большинстве смотрит он на нее и теперь. Правда, что, как и в других государствах, те же обманы внушения, посредством которых христианских людей заставляли незаметно не только подчиняться, но и повиноваться ей в делах, противных христианству, произведены были и над русским народом. Но обманы эти захватили только верхние, испорченные слои народа, большинство же его удержало тот взгляд на власть, при котором человек считает лучшим нести страдания от насилия, чем участвовать в нем.

Причина такого отношения русского народа к власти, я думаю, заключается в том, что в русском народе, больше чем в других народах, удержалось истинное христианство, как учение братства, равенства, смирения и любви, то христианство, которое делает резкое различие между подчинением насилию и повиновением ему. Истинный христианин может подчиняться, даже не может не подчиняться без борьбы всякому насилию, но не может повиноваться ему, то есть признавать его законность.

Как ни старались и ни стараются правительства вообще, и русское в особенности, заменить это истинное христианское отношение к власти православно-государственным учением, требующим повиновения, христианский дух и различие между подчинением и повиновением власти продолжает жить в огромном большинстве русского рабочего народа.

Несогласие правительственного насилия с христианством никогда не переставало чувствоваться большинством русских людей. В особенности же сильно и определенно чувствовалось это противоречие наиболее чуткими христианами, не принадлежавшими к извращенному учению православия, между так называемыми сектантами. Эти разных наименований христиане, все одинаково, не признавали законности власти правительства. Большинство ради страха покорялось признаваемым ими незаконными требованиями правительства, некоторые же, малая часть, разными хитростями обходили эти требования

или убегали от них. Когда же введением общей воинской повинности государственное насилие как бы бросило вызов всем истинным христианам, требуя от всякого человека готовности к убийству, многие православные русские люди начали понимать несогласие христианства с властью. Христиане же не православные, самых различных вероисповеданий, стали прямо отказываться от солдатства. И хотя таких отказов было немного (едва ли один на тысячу призываемых), значение их было велико тем, что отказы эти, вызвавшие жестокие казни и гонения правительства, открывали глаза уже не одним сектантам, а всем русским людям на нехристианские требования правительства, и огромное большинство людей, прежде не думавших о противоречии закона божеского и человеческого, увидели это противоречие. И среди большинства русского народа началась та невидимая, глухая, не подлежащая взвешиванию работа освобождения сознания.

Таково было положение русского народа, когда возникла жестокая, не имеющая никаких оправданий японская война.

И вот эта-то война, при развитии грамотности, при всеобщем недовольстве и, главное, при необходимости вызова в первый раз сотен тысяч рассеянных по всей России пожилых, отрываемых от семей и разумного труда людей (запасных), для явно безумного и жестокого дела — война эта была тем толчком, который превратил невидную, глухую, внутреннюю работу в явное сознание незаконности требований правительства.

И сознание это выразилось и выражается теперь в самых разнообразных и значительных явлениях: в сознательных отказах запасных от вступления в войска, в таких же сознательных отказах стрелять и драться, особенно в отказах стрелять в своих при усмирении возмущений, а, главное, в всё учащающихся и учащающихся отказах от присяги и солдатства.

Таковы сознательные проявления незаконности и ненужности повиновения правительству. Бессознательные же проявления этого же самого — это всё то, что творится теперь как революционерами, так и их врагами: таковы бунты моряков в Черном море, Кронштадте, военные бунты в Киеве и других местах, погромы, самоуправства, крестьянские бунты. Престиж власти разрушен, и перед русскими людьми нашего времени, перед огромным большинством их, возник во всем великом значении вопрос о том, должно ли, следует ли повиноваться правительству.

В этом возникшем в русском народе вопросе — одна из причин предстоящего, а может быть и начавшегося великого всемирного переворота.

VII. ВТОРАЯ ВНЕШНЯЯ ПРИЧИНА ПРЕДСТОЯЩЕГО ПЕРЕВОРОТА

Вторая внешняя причина предстоящего переворота в том, что рабочий народ лишен своего естественного, законного права пользования землей и что это лишение довело народы христианского мира до всё увеличивающейся и увеличивающейся бедственности рабочего народа и всё увеличивающейся озлобленности его против пользующихся его трудами сословий.

Причина эта особенно живо чувствуется в России потому, что только в России большинство рабочего народа живет еще земледельческой жизнью и русские люди только теперь, вследствие увеличения населения и недостатка земли, поставлены в необходимость или оставлять ту привычную им земледельческую жизнь, в которой одной они полагают возможным осуществление христианского общежития, или перестать повиноваться правительству, которое удерживает за частными владельцами отнятую у народа землю.

Обыкновенно думают, что самое жестокое рабство есть рабство личное, когда один человек может сделать над другим всё, что хочет: истязать, изуродовать, убить его и что то, что мы даже не называем рабством — лишение человека возможности пользоваться землей, — есть только некоторое, не совсем справедливое экономическое учреждение.

Но мнение это совершенно несправедливо.

То, что сделал Иосиф с египтянами, что делали все завоеватели над завоеванными народами, что делают теперь люди над людьми, лишая их возможности пользоваться землей, — есть самое ужасное и жестокое порабощение. Раб личный — раб одного, человек же, лишенный права пользоваться землей, — раб всех.

Но не в этом главное бедствие раба земельного. Как ни жесток мог быть хозяин личного раба, он, в виду своей выгоды, чтобы не лишиться раба, не заставлял его не переставая работать, не мучил, не морил его голодом; лишенный же земли раб часто должен через силу работать, мучиться, голодать и никогда ни минуты не может быть вполне обеспеченным, т. е. свободным от произвола людей и преимущественно от произвола недобрых, корыстных людей, во власти которых он находится.

И в этом еще не главное бедствие земельного раба. Главное его бедствие в том, что он не может жить нравственной жизнью. Не живя трудами с земли, не борясь с природой, он должен неизбежно бороться с людьми: силой или хитростью стараться отбирать у них то, что они приобрели от земли и от трудов других людей.

Земельное рабство не есть, как думают даже и те, которые признают лишение людей земли рабством, одна из остающихся форм рабства, а есть коренное, основное рабство, из которого вырастает и выросло всякое рабство и которое несравненно мучительнее личного рабства.

Личное рабство есть только один из частных случаев злоупотребления земельным рабством, так что освобождение людей от личного рабства без освобождения их от земельного рабства есть не освобождение, а только прекращение одного из злоупотреблений рабства и во многих случаях, как это было в России при освобождении крепостных с малым количеством земли, только обман, на время скрывающий от рабов их положение.

Русский народ понимал это всегда при крепостном праве, говоря: «мы ваши, а земля наша», и при освобождении не переставая всем народом требовал и ожидал освобождения земли. Народ поманили, дав ему при освобождении от крепостного права немного земли, и он на время затих, но при увеличившемся населении, при той же земле вопрос возник для него вновь и в самой ясной и определенной форме.

Пока народ был крепостной, он пользовался землей в тех размерах, которые были необходимы ему для существования. О распределении же увеличивающегося населения заботилось правительство и помещики, и народу не чувствительна была основная несправедливость захвата земель частными лицами. Но как скоро снято было крепостное право, уничтожилась забота правительства и помещиков об экономическом, земледельческом хотя не благосостоянии, а возможности существования народа. Количество земли, которым крестьяне могли владеть, было раз навсегда определено без возможности его увеличения, а население увеличивалось, и народ всё живее и живее чувствовал тяжесть своего положения. И он ждал, что правительство отменит законы, лишавшие его земли. Ждал 10, 20, 30, 40 лет, а земля всё больше и больше захватывалась частными владельцами, и народу был поставлен выбор: голодать, не размножаться или совсем бросать сельскую жизнь и образовывать поколения грабарей, ткачей, слесарей.

Прошло полстолетия, положение народа всё ухудшалось и ухудшалось и дошло, наконец, до того, что стал разрушаться тот строй жизни, который он считает необходимым для христианской жизни: и правительство, мало того что не дает ему земли, а, отдавая ее своим слугам и удерживая ее за ними, внушает народу, чтобы он не надеялся на свободу земли, и устраивает ему, по европейскому образцу, с фабричными инспекторами, промышленную жизнь, которую он считает дурной и греховной.

Лишение народа его законного права на землю — главная причина бедственного положения русского народа. И та же причина лежит в основе бедственности и недовольства своим положением рабочего народа Европы и Америки. Разница только в том, что отъем земли у европейских народов признанием законности частной земельной собственности совершился так давно, столько новых отношений легло сверх этой несправедливости, что люди Европы и Америки не видят истинной причины своего положения и ищут ее везде: в отсутствии рынков, в тарифах, в неправильном обложении, в капитализме, во всем, только не в том, в чем она действительно заключается, — в отнятии у народа права на землю.

Русским же людям эта основная несправедливость, еще не вполне совершенная над ними, ясно видна.

Русские люди, живя на земле, видят ясно то, что хотят сделать с ними, и не могут примириться с этим.

Бесмысленные и губительные вооружения и войны и лишение народа общего права на землю — таковы, по моему мнению, две ближайшие внешние причины предстоящего всему христианскому миру переворота. Начинается же этот переворот не где-нибудь, а именно в России, потому, что нигде, как в русском народе, не удержалось в такой силе и чистоте христианское мировоззрение, и нигде, как в России, не удержалось еще земледельческое

состояние большинства народа.

VIII. КАКОВО БУДЕТ ПОЛОЖЕНИЕ ЛЮДЕЙ, ОТКАЗАВШИХСЯ ОТ ПОВИНОВЕНИЯ?

Русский народ раньше других народов христианского мира, благодаря своим особым свойствам и условиям жизни, приведен к сознанию бедственности, происходящей от повиновения насильнической государственной власти. И в этом сознании и стремлении освободиться от насилия этой власти заключается, по моему мнению, сущность того переворота, который предстоит не только русскому народу, но и всем народам христианского мира.

Людям, живущим в государствах, основанных на насилии, кажется, что уничтожение власти правительств неизбежно повлечет за собой величайшие бедствия.

Но ведь утверждение о том, что та степень безопасности и блага, которыми пользуются люди, обеспечивается государственной властью, совершенно произвольно. Мы знаем те бедствия и те блага, если они есть, которыми пользуются люди, живущие в государственном устройстве, но не знаем того положения, в котором бы были люди, упразднившие государство. Если же принять в соображение жизнь тех небольших общин, которые случайно жили и живут вне больших государств, то такие общины, пользуясь всеми благами общественного устройства, не испытывают одной сотой тех бедствий, которые испытывают люди, повинующиеся государственной власти.

О невозможности жить без государственного устройства ведь говорят преимущественно те самые люди правящих классов, для которых выгодно государственное устройство. Но спросите у тех людей, которые несут только тяжести государственной власти, у земледельцев, у 100 миллионов крестьян в России, и они скажут, что чувствуют только тяжесть ее и не только не считают себя обеспеченными государственной властью, но совершенно не нуждаются в ней.

Я много раз, во многих писаниях своих старался показать, что то, чем пугают людей, а именно тем, что без правительственной власти восторжествуют худшие люди, лучшие же будут угнетены, — что именно это самое давно уже совершилось и совершается во всех государствах, так как везде власть в руках худших людей, что и не может быть иначе, потому что только худшие люди могут делать все те хитрости, подлости, жестокости, которые нужны для участия во власти; много раз я старался показать, что все главные бедствия, от которых страдают люди, как накопление огромных богатств у одних людей и

нищета большинства, захват земли неработающими на ней, неперестающие вооружения и войны и возвращение людей, — происходят только от признания законности правительственного насилия; старался показать, что для того чтобы ответить на вопрос о том, хуже или лучше будет положение людей без правительств, надо прежде решить вопрос о том, из кого состоит правительство. Хуже или лучше среднего уровня людей люди, составляющие правительство? Если эти люди лучше среднего уровня, то правительство будет благотворно, если же хуже, то зловредно. А то, что эти люди — Иоанны IV, Генрихи VIII, Мараты, Наполеоны, Аракчеевы, Меттернихи и Талейраны — хуже общего уровня, показывает история.

Я старался показать, что во всяком обществе людей всегда есть люди властолюбивые, бессовестные, жестокие, готовые для своей выгоды совершать всякого рода насилия, грабежи, убийства; и что в обществе без правительства эти люди будут разбойниками, сдерживаемыми в своих поступках отчасти борьбой с ними оскорбленных ими людей (самосуд, линчеванье), отчасти, и преимущественно, могущественнейшим орудием воздействия на людей — общественным мнением. В обществе же, управляемом насильнической властью, эти самые люди захватят власть и будут пользоваться ею, не только не сдерживаемые общественным мнением, а, напротив, поддерживаемые, восхваляемые, возвеличиваемые подкупленным и искусственно вызванным ими общественным мнением.

Говорят: как могут люди жить без правительств, т. е. насилия? Надо сказать напротив: как могут люди, разумные существа, жить, признавая внутренней связью своей жизни насилие, а не разумное согласие?

Одно из двух: разумные или неразумные существа люди? Если они неразумные существа, то всё между ними может и должно решаться насилием, и нет причины одним иметь, а другим не иметь права насилия. Если же люди разумные существа, то их отношения должны быть основаны не на насилии, а на разуме.

Казалось, довод этот должен бы быть убедителен для людей, признающих себя разумными существами. Но люди, защищающие государственную власть, не думают о человеке, о его свойствах, об его разумной природе; они говорят об известном соединении людей, которому они придают какое-то сверхъестественное, мистическое значение.

«Что станет с Россией, Францией, Британией, Германией, — говорят они, — если люди перестанут повиноваться правительствам?»

Что станет с Россией? Россия? Что такое Россия? Где ее начало, где конец? Польша? Остзейский край? Кавказ со всеми своими народами? Казанские татары? Ферганская область? Амур? Всё это не только не Россия, но всё это чужие народы, желающие освобождения от того соединения, которое называется Россией. То, что эти народы считаются частью России, есть случайное, временное явление, обусловливаемое в прошедшем целым рядом исторических событий, преимущественно насильем, несправедливостей и жестокостей; в настоящем же соединение это держится только той властью, которая распространяется на эти народы.

На нашей памяти Ницца была Италия, вдруг, стала Францией; Эльзас был Франция, стал Пруссией; Приморская область была Китай, стала Россией; Сахалин был Россия, стал Японией. Нынче власть Австрии распространяется на Венгрию, Богемию, Галицию, а английского правительства — на Ирландию, Канаду, Австралию, Египет и мн. др., русского правительства на Польшу, Грузию и т. д. Но завтра власть эта может прекратиться. Единственная сила, связывающая воедино все эти России, Австрии, Британии, Франции, — это власть. Власть же есть произведение людей, которые, противно своей разумной природе и закону свободы, открытому Христом, повинуются людям, требующим от них дурных дел насилия. Стоит только людям сознать свою, свойственную разумным существам свободу и перестать делать по требованию власти дела, противные их совести и закону, и не будет этих искусственных, кажущихся столь величественными соединений России, Британий, Германий, Франций, того самого, во имя чего люди жертвуют не только своей жизнью, но и свойственной разумным существам свободой.

Стоит только людям перестать повиноваться власти ради тех нигде не существующих, кроме как в их воображении, кумиров единой России, Франции, Британии, Соединенных Штатов, Австрий, и сами собою исчезнут эти ужасные кумиры, которые теперь губят телесное и душевное благо людей.

Принято говорить, что образование больших государств из мелких, постоянно борющихся между собой, заменяя внешней, большой границей мелкие разграничения, уменьшило тем самым борьбу и кровопролитие и зло борьбы. Но утверждение это совершенно произвольно, так как никто не взвесил количества зла и в том и в другом положении. И трудно думать, что все войны удельного периода в России, Бургундии, Фландрии, Нормандии, во Франции стоили столько жертв, сколько войны Наполеона, Александра, сколько японская, только-что окончившаяся война.

Единственное оправдание увеличения государства — это образование всемирной монархии, при существовании которой уничтожилась бы возможность войн. Но все попытки образования такой монархии, от Александра Македонского и Римской империи до Наполеона, никогда не достигали цели умиротворения, а, напротив, были причиной величайших бедствий для народов. Так что умиротворение людей никак не может быть достигнуто увеличением и усилением государств. Достигнуто это может быть только обратным: уничтожением государств с их насильнической властью.

Были и жестокие и губительные суеверия, людские жертвы, костры за колдовство, войны за веру, пытки... Но ведь люди освободились от этих суеверий. Суеверие же государства, отечества, как чего-то священного, продолжает властвовать над людьми, и суеверию этому приносятся едва ли не более жестокие и губительные жертвы, чем всем прежним. Сущность этого суеверия в том, что людей разных местностей, нравов, интересов уверяют, что они все составляют одно целое, потому что одно и то же насилие употребляется над всеми ими, и люди верят в это и гордятся своей принадлежностью к этому соединению.

Суеверие это существует так давно и так усиленно поддерживается, что не только все те люди, которые пользуются этим суеверием: короли, министры, генералы, военные, чиновники, уверены в том, что существование, утверждение и увеличение этих

искусственных единиц составляет благо тех людей, которые захвачены этими соединениями, но и эти самые люди так привыкают к этому суеверию, что гордятся своей принадлежностью к России, Франции, Германии, хотя эта принадлежность ни на что им не нужна и ничего, кроме зла, не доставляет им.

И потому уничтожение искусственных соединений больших государств вследствие того, что люди покорно, без борьбы, подчиняясь всякому насилию, перестанут повиноваться правительству, не представляет ничего страшного, и если и когда совершится, сделает только то, что среди таких людей, не признающих своей принадлежности к государству, будет меньше насилия, меньше страданий, меньше зла и что таким людям будет легче жить согласно тому высшему закону взаимного служения, который уже столько веков тому назад был открыт людям и понемногу всё более и более входит в сознание человечества.

IX. КАКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ БУДЕТ СОДЕЙСТВОВАТЬ ПРЕДСТОЯЩЕМУ ПЕРЕВОРОТУ

Переворот, предстоящий теперь человечеству, состоит в освобождении себя от обмана повиновения человеческой власти. И так как сущность этого переворота совсем иная, чем сущность всех прежде бывших в христианском мире революций, то и деятельность людей, участвующих в этом перевороте, не может не быть совсем иная, чем деятельность участников прежних революций.

Деятельность участников прежних революций состояла в насильственном свержении власти и захвате ее. Деятельность участников теперешнего переворота должна и может состоять только в прекращении потерявшего смысл повиновения какой бы то ни было насильнической власти и в устройении своей жизни независимо от правительства.

Мало того, что деятельность участников предстоящего переворота иная, чем деятельность участников прежних переворотов, но и главные участники этого переворота совсем другие, и место, где он должен происходить, иное, и количество участников иное.

Участники прежних революций — это преимущественно люди высших, освобожденных от физического труда профессий и руководимые этими людьми городские рабочие; участники же предстоящего переворота должны быть и будут преимущественно народные земледельческие массы. Места, в которых начинались и происходили прежние революции, были города; местом теперешней революции должна быть преимущественно деревня. Количество участников прежних революций — 10, 20 процентов всего народа; количество участников теперешней совершающейся в России революции должно быть 80, 90 процентов.

И потому вся деятельность волнующихся городских людей в России, которые, подражая Европе, собираются в союзы, делают стачки, демонстрации, бунты, придумывают новые формы правления, не говоря уже о тех несчастных, озверевших людях, которые совершают смертоубийства, думая этим служить начинающемуся перевороту, — вся деятельность этих людей не только не соответствует имеющему совершиться перевороту, но гораздо действительнее, чем правительства (они, сами не зная того, самые верные помощники правительства), останавливает ход имеющегося совершиться переворота, ложно направляет и тормозит его.

Опасность, угрожающая теперь русскому народу, не в том, что не будет свергнуто силою существующее насильническое правительство и не будет поставлено на его место другое, также насильническое, какое бы то ни было демократическое или даже социалистическое, а в том, что эта борьба с правительством вовлечет народ в насильническую деятельность. Опасность в том, что русский народ, по своему особенному положению призванный к указанию мирного и верного пути освобождения, вместо этого будет вовлечен людьми, не понимающими всего значения совершающегося переворота, в рабское подражание прежде бывшим революциям и, бросив тот спасительный путь, на котором он стоит теперь, пойдет по тому ложному пути, по которому к своей верной гибели идут остальные народы христианского мира.

Для того чтобы избавиться от этой опасности, русским людям надо прежде всего быть самими собою, не справляться о том, как поступать и что делать, у европейских и американских конституций или в социалистических проектах, а справляться и спрашивать совета только у своей совести. Русским людям, для того чтобы исполнить то великое дело, которое предстоит им, надо не только не заботиться о политическом управлении России и об обеспечении свободы граждан русского государства, но прежде всего освободиться от самого понятия русского государства, а потому и от заботы о правах граждан этого государства. Русским людям в настоящую минуту, для того чтобы достигнуть освобождения, надо не только не предпринимать что-либо, но, напротив, надо воздерживаться от всяких предприятий, как от тех, в которые их втягивает правительство, так и от тех, в которые хотят втянуть их революционеры и либералы.

Русскому народу, большинству его, крестьянам, нужно продолжать жить, как они всегда жили, — своей земледельческой, мирской, общинной жизнью и без борьбы подчиняться всякому, как правительственному, так неправительственному насилию, но не повиноваться требованиям участия в каком бы то ни было правительственном насилии, не давать добровольно податей, не служить добровольно ни в полиции, ни в администрации, ни в таможне, ни в войске, ни во флоте, ни в каком бы то ни было насильническом учреждении. Точно также, и еще строже, надо крестьянам воздерживаться от насилий, к которым возбуждают их революционеры. Всякое насилие крестьян над землевладельцами вызовет борьбу с ответным насилием и во всяком случае кончится установлением такого или другого, но непременно насильнического правительства. А при всяком насильническом правительстве, как это происходит в самых свободных землях Европы и Америки, точно так же объявляются и ведутся бессмысленные, жестокие войны и точно так же земля продолжает быть собственностью богачей. Только неучастие народа ни в каком насилии может уничтожить все насилия, от которых он страдает, может прекратить возможность

нескончаемых вооружений и войн и может уничтожить земельную собственность.

Так надо поступать крестьянам-земледельцам, для того чтобы совершающийся переворот принес благие последствия.

Людям же городских сословий: дворянам, купцам, врачам, ученым, писателям, техникам, фабричным рабочим, которые теперь заняты революцией, надо прежде всего попятить свое ничтожество, хотя бы только численное, — одного против ста — в сравнении с земледельческим народом; понять, что цель совершающегося переворота не может быть и не должна состоять в учреждении нового политического, насильнического строя с каким бы то ни было всеобщим голосованием, с какими бы то ни было усовершенствованными социалистическими учреждениями, а цель эта может и должна состоять только в освобождении всего и в особенности большинства его, стомиллионного земледельческого народа от всякого рода насилия, от военного насилия — солдатства, от податного насилия — пошлин и податей и от земельного насилия — захвата земли землевладельцами и что для этого нужна совсем не та суетливая и недобрая деятельность, которой теперь заняты русские либералы и революционеры, а совсем другое. Люди эти должны понять, что революция не делается нарочно: «дай, мы сделаем революцию», что революцию нельзя делать по готовым образцам, подражая тому, что делалось сто лет тому назад, при совершенно других условиях. Главное же — люди эти должны понять, что революция только тогда улучшает положение людей, когда люди, сознав неосновательность и бедственность прежних основ жизни, стремятся к устройению жизни на новых основах, могущих дать им истинное благо.

У людей же, теперь стремящихся сделать в России политическую революцию по образцу европейских революций, нет никаких новых основ. Они стремятся только к тому, чтобы переменить одну старую форму насилия на новую, точно так же осуществляемую насиллием и несущую с собой те же бедствия, как и те, которые терпит теперь русский народ, как мы это видим в Европе и Америке, где тот же милитаризм, те же подати, тот же захват земли.

То же, что большинство революционеров выставляет новой основой жизни социалистическое устройство, которое может быть достигнуто только самым жестоким насиллием и которое, если бы когда-нибудь и было достигнуто, лишило бы людей последних остатков свободы, показывает только то, что у людей этих нет никаких новых основ жизни.

Идеалом нашего времени не может быть изменение формы насилия, а только полное упразднение его, достигаемое неповиновением человеческой власти.

Так что если люди городских сословий хотят действительно служить совершающемуся великому перевороту, то первое, что они должны сделать, — это то, чтобы оставить ту жестокую революционную, неестественную, выдуманную деятельность, которой они теперь заняты, и, поселившись в деревне и разделяя труд народа, постараться, научившись от него его терпению, равнодушию и презрению к власти и, главное, трудолюбию, служить ему своими, если это понадобится, книжными знаниями в разъяснении тех вопросов, которые неизбежно возникнут при упразднении правительства, не только не возбуждать его, как они это теперь делают, к насиллию, а, напротив, удерживать его от всякого участия в

насильнической деятельности, от всякого повиновения какой бы то ни было насильнической власти.

Х. УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА, ОСВОБОДИВШЕГОСЯ ОТ НАСИЛЬНИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Но как, в каких формах могут жить люди христианского мира, если они не будут жить в форме государства, повинаясь правительственной власти?

Ответ на этот вопрос дают те самые свойства русского народа, вследствие которых я думаю, что предстоящий переворот начинается и должен совершиться не где-нибудь, а именно в России.

Отсутствие власти в России никогда не мешало правильной и мирной общественной жизни земледельческих общин. Напротив, вмешательство правительственной власти всегда мешало этому внутреннему, свойственному русскому народу устройству.

Русский народ, как и большинство земледельческих народов, естественно складывается, как пчелы в ульи, в определенные общественные отношения, вполне удовлетворяющие требованиям совместной жизни людей. Везде, где только русские люди осаживались без вмешательства правительства, они устанавливали между собой не насильническое, а свободное, основанное на взаимном согласии мирское, с общинным владением землей управление, которое вполне удовлетворяло требованиям мирного общежития. Такие общины заселили без помощи правительства все восточные окраины России. Такие общины уходили в среднюю Азию, в Турцию, как некрасовцы, и, удерживая свое христианское общинное устройство, спокойно жили там поколениями под властью турецкого султана. Такие общины переходили в Китай, не зная того, что занимаемая ими земля принадлежит Китаю, и жили там долгое время, не нуждаясь ни в каком, кроме своего внутреннего управления, правительстве. И точно так же живут русские земледельческие люди, огромное большинство населения в России, не нуждаясь в правительстве, а только терпя его. Правительство для русского народа никогда не было необходимостью, а всегда было тягостью.

Отсутствие правительства, того самого правительства, которое удерживает силою право на пользование землей за неработающими землевладельцами, только может содействовать той общинной земледельческой жизни, которую русский народ считает необходимым условием хорошей жизни, содействовать тем, что, уничтожив власть, поддерживающую земельную собственность, освободит землю и даст на нее одинаковые, равные права всем

людям.

И потому русским людям не нужно при упразднении правительства выдумывать те новые формы общежития, которые должны были бы заменить прежние. Такие формы общежития существуют среди русского народа, всегда были свойственны ему и вполне удовлетворяют его требованиям общественной жизни.

Формы эти — это мирское, при равенстве всех членов мира, управление, артельное устройство при промышленных предприятиях и общинное владение землей.

Переворот, который предстоит христианскому миру и который, начинается теперь в русском народе, тем и отличается от прежних революций, что прежние разрушали, не ставя ничего на место разрушенного ими или ставя вместо одной формы насилия другую. В предстоящем же перевороте ничего не нужно разрушать, нужно только перестать участвовать в насилии, не вырывать растения, ставя на его место нечто искусственное и неживое, а только устранять всё то, что мешает его росту.

И потому содействовать великому, совершающемуся теперь перевороту будут не те торопливые и самоуверенные люди, которые, не понимая того, что причина зла, с которыми они борются, в насилии и, не представляя себе никакой формы жизни вне насилия, слепо и необдуманно разрушают существующее насилие с тем, чтобы заменить его новым. Содействовать совершающейся революции будут только те люди, которые, ничего не разрушая, ничего не ломая, будут устраивать свою жизнь независимо от правительства, будут без борьбы нести всякое совершаемое над ними насилие, но не будут участвовать в правительстве, не будут повиноваться ему.

Русскому народу, земледельческому народу, огромному большинству, надо, продолжая жить, как он живет теперь, земледельческой, общинной жизнью, не участвовать в делах правительства и не повиноваться ему.

Чем больше будет держаться русский народ такого свойственного ему общежития, тем менее будет возможно вмешательство в его жизнь правительственной, насильнической власти и тем легче будет упразднена эта власть, всё менее и менее находя поводов к вмешательству и всё менее и менее находя помощников для исполнения своих дел насилия.

И потому на вопрос о том, к каким последствиям приведет людей прекращение повиновения правительствам, можно наверное сказать, что последствием этого будет уничтожение того насилия, которое заставляло людей вооружаться и воевать друг с другом и лишало их права пользоваться землей. Освобожденные же от насилия люди, не готовясь более к войне и не воюя друг с другом и имея доступ к земле, естественно вернуться к тому свойственному вообще людям самому радостному, здоровому и нравственному земледельческому труду, при котором усилия человека направлены на борьбу с природой, а не с людьми, к тому труду, на котором зиждутся все другие отрасли труда и который может быть оставлен только людьми, живущими насилием.

Прекращение повиновения правительствам должно привести людей к земледельческой жизни, земледельческая же жизнь — к самому естественному при такой жизни общинному

устройству небольших, находящихся в одинаковых земледельческих условиях обществ.

Весьма вероятно, что общины эти не будут жить обособленно и войдут между собою, вследствие единства экономических, племенных или религиозных условий, в новые, свободные соединения, но совершенно иные, чем прежние — государственные, основанные на насилии.

Отрицание насилия не лишает людей возможности соединений, но соединения, основанные на взаимном согласии, могут образоваться только тогда, когда будут разрушены соединения, основанные на насилии.

Для того чтобы построить новый и прочный дом на месте разрушающегося, надо разобрать старые стены, камень по камню, и вновь строить.

То же и с теми соединениями, которые могут образоваться между людьми после разрушения соединения, основанного на насилии.

XI. ЧТО СТАНЕТСЯ С ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ?

Но что же станет со всем тем, что выработали люди, что станет с цивилизацией?

«Возвращение к обезьянам», «письмо Вольтера к Руссо о том, чтобы научиться ходить на четвереньках», «возвращение к какой-то естественной жизни», скажут люди, которые так уверены в том, что та цивилизация, которой мы пользуемся, есть великое благо, что они не допускают даже мысли о потере чего-нибудь из того, что выработано цивилизацией.

«Как — грубая, давно пережитая человечеством земледельческая община в деревенской глуши вместо наших городов, с подземными и надземными электрическими дорогами, электрическими солнцами, музеями, театрами, памятниками?» скажут эти люди. Да, и с нищенскими кварталами, с slums[38] Лондона, Нью-Йорка и всех больших городов, с домами терпимости, банками, взрывчатыми бомбами против врагов внешних и внутренних, с тюрьмами, эшафотами, с миллионными войсками, скажу я.

«Цивилизация, наша цивилизация — великое благо», говорят люди. Но ведь люди, которые так уверены в этом, — это те немногие люди, которые живут не только в этой цивилизации, но живут ею, живут в полном довольстве, живут почти праздно в сравнении с трудом рабочего народа, только потому, что есть эта цивилизация.

Все эти люди — короли, императоры, президенты, князья; министры, чиновники, военные, землевладельцы, купцы, техники, врачи, ученые, художники, учителя, священники, писатели — знают, наверное знают, что наша цивилизация есть такое великое благо, что нельзя допустить и мысли о том, чтобы она могла не только исчезнуть, но даже измениться.

Но спросите у огромной массы земледельческого народа — славянского, китайского, индийского, русского, у девяти десятых человечества — благо или не благо та цивилизация, которая кажется такой драгоценной неземледельческим профессиям? И, странное дело, девять десятых человечества ответят совершенно иначе. Они знают, что им нужна земля, навоз, орошение, солнце, дождь, леса, урожай, некоторые простые орудия труда, которые можно делать, не оставляя земледельческой ЖИЗНИ; но про цивилизацию они или не знают, или, когда она представляется им в виде разврата городов или в виде несправедливых судов с своими тюрьмами и каторгами, или в виде податей и устройства ненужных дворцов, музеев, памятников, или в виде таможен, мешающих свободному обмену произведений, или в виде пушек, броненосцев, войск, разграбляющих страны, — они скажут, что если в этом цивилизация, то она не только не нужна, но очень вредна им.

Люди, пользующиеся благами цивилизации, говорят, что она благо для всего человечества, но ведь они в этом вопросе не судьи и не свидетели, а сторона.

Нет спора в том, что мы далеко ушли по дороге технического прогресса. Но кто ушел по этой дороге? То маленькое меньшинство, которое живет на шее рабочего народа; рабочий же народ, тот, который обслуживает всех людей, пользующихся цивилизацией, продолжает во всем христианском мире жить так, как он жил 5, 6 веков тому назад, пользуясь только изредка отбросами цивилизации. Если он живет и лучше, то расстояние, отделяющее его положение от положения богатых классов, не меньше, а скорее больше, чем то, которое отделяло его от богатых за 6 веков тому назад. Я не говорю, что, поняв, что цивилизация не есть абсолютное благо, как думают многие, мы должны бросить все, что выработали люди для борьбы с природой; но я говорю, что для того чтобы знать, что выработанное людьми действительно служит их благу, надо, чтоб все люди пользовались этими благами, а не малое число; надо, чтобы люди не были вынуждены лишаться своего блага для других людей в надежде на то, что эти блага достанутся когда-то и их потомкам.

Мы смотрим на египетские пирамиды и ужасаемся на жестокость и нелепость тех людей, которые приказывали их строить, как и тех, которые исполняли их приказания. Но насколько жесточе, нелепее те 10-ти и 36-тиэтажные дома, которые люди нашего мира строят по городам и гордятся ими. Кругом земля со своими травами, лесами, чистыми водами, чистым воздухом, солнцем, птицами, зверями, а люди со страшными усилиями, загораживая от других солнце, воздвигают качающиеся от ветра 36-тиэтажные дома в месте, где нет ни травы, ни деревьев и где всё, и вода и воздух, загажены, вся пища подделана и испорчена и жизнь трудна, нездорова. Разве это не признак явного умопомешательства целого общества людей, не только совершающих такие безумства, но еще и гордящихся ими? Но это не единственный пример. Взгляните вокруг себя, и вы на каждом шагу увидите всяких родов нелепости, такие же, как эти 36-тиэтажные дома, стоящие египетских пирамид.

Бессознательная, а иногда и сознательная ошибка, которую делают люди, защищающие цивилизацию, состоит в том, что они цивилизацию, которая есть только орудие, признают за цель и считают ее всегда благом. Но ведь она будет благом только тогда, когда властвующие в обществе силы будут добрыми. Очень полезны взрывчатые газы для прокладки путей, но губительны в бомбах. Полезно железо для плугов, но губительно в

ядрах, тюремных запорах.

Печать может распространять добрые чувства и мудрые мысли, но еще с большим, как мы это видим, успехом — глупые, развратные и ложные. Вопрос о том, полезна или вредна цивилизация, решается тем, что преобладает в данном обществе — добро или зло. В нашем же христианском мире, где большинство находится в рабском угнетении у меньшинства, она есть только лишнее орудие угнетения.

Пора людям высших классов понять, что то, что они называют цивилизацией, культурой, есть только и средство и последствие того рабства, в котором малая часть нерабочего народа держит огромное большинство работающих.

Пора понять нам, что спасение наше не в продолжении того пути, по которому мы шли, и не в удержании всего того, что выработали, а в признании того, что мы шли по ложной дороге и зашли в трясины, из которой надо выбраться, и что нам не заботиться надо о том, чтобы удержать то, что мы несем, а, напротив, смело побросать всё то, наименее нужное, что мы тащили на себе, чтобы только как-нибудь (хоть на четвереньках) выбраться до твердого берега.

Разумная и добрая жизнь ведь только в том и состоит, что человек или люди выбирают из многих всегда предстоящих им поступков или путей тот, который более разумен и добр. И христианскому человечеству в его теперешнем положении необходимо, для того чтобы жить разумной жизнью, выбрать одно из двух: или продолжение того пути, при котором существующая цивилизация дает наибольшее благо немногим, удерживая в нужде и рабстве многих, или сейчас, не откладывая это в далекое будущее, отказаться от части или хоть от всех тех благ, которые выработала эта цивилизация для немногих, если только эти блага мешают освобождению большинства людей от их нужды и рабства.

ХІІ. СВОБОДЫ И СВОБОДА

То, что люди нашего времени толкуют о каких-то отдельных свободах: свободе слова, печати, совести, свободе таких, а не иных выборов, свободе сходов, союзов, труда и многих других, — очевидно показывает, что такие люди, как теперь наши русские революционеры, имеют очень превратное понятие или вовсе не имеют понятия о свободе вообще, о той простой, понятной всем свободе, которая состоит в том, что над человеком нет такой власти, которая требует от него поступков, противных его желаниям и выгодам.

В этом непонимании того, что есть свобода, и вытекающем из этого непонимания представлении о том, что разрешение какими-то людьми другим людям некоторых поступков есть свобода, заключается большое и чрезвычайно вредное заблуждение. Заблуждение состоит в том, что людям нашего времени кажется, что рабская покорность насилию, в которой они находятся перед правительством, и есть естественное положение, а

что разрешение правительственной властью известных поступков, определенных этой властью, есть свобода; в роде того, как рабы считали бы свободой разрешение по воскресеньям ходить в церковь, или в жаркие дни купаться, или во время свободное от работы на хозяев чинить свою одежду и т. п.

Ведь стоит только, на минуту отрешившись от установленных привычек и суеверий, взглянуть на положение всякого человека, живущего в государстве, к какому бы самому деспотическому или самому демократическому государству он ни принадлежал, чтобы ужаснуться на ту степень рабства, в котором живут теперь люди, воображая, что они свободны.

Над всяким человеком, где бы он ни родился, существует собрание людей, совершенно неизвестных ему, которые устанавливают законы его жизни: что он должен и чего не должен делать; и чем совершеннее государственное устройство, тем теснее сеть этих законов. Определено, кому и как он должен присягать, то есть обещаться исполнять все те законы, которые будут составляться и провозглашаться. Определено, как и когда он может жениться (он может жениться только на одной женщине, но может пользоваться домами терпимости). Определено, как он может разводиться с женой, как содержать своих детей, каких считать законными, каких незаконными и кому и как наследовать и передавать свое имущество. Определено, за какие нарушения законов и как и кем он судится и наказуется. Определено, когда он сам должен являться в суд в качестве присяжного или свидетеля. Определен возраст, при котором он может пользоваться трудами помощников, работников и даже число часов, которое может работать в день его помощник, пища, которую он должен давать им. Определено, когда и как он должен прививать предохранительные болезни своим детям; определены меры, которые он должен принимать и которым должен подвергаться при такой-то и такой-то болезни, постигшей его или его семейных и животных. Определены школы, в которые он должен посылать своих детей. Определены размеры и прочность дома, который он может строить. Определено содержание его животных: лошадей, собак; как он может пользоваться водой и где может ходить без дороги. Определены наказания за неисполнение всех этих и еще многих других законов. Нельзя перечислить всех законов на законах и правил на правилах, которым он должен подчиняться и незнанием которых (хотя и нельзя их знать) не может отговариваться человек самого либерального государства.

При этом человек этот поставлен в такое положение, что при всякой покупке потребляемых им предметов: соли, пива, вина, сукна, железа, керосина, чая, сахара и многого другого он должен отдавать большую часть своего труда для каких-то неизвестных ему дел и для уплаты процентов за долги, которые совершены кем-то во времена его дедов и прадедов. Должен отдавать также часть своего труда и при всяком переезде с места на место, при всяком получении наследства, или какой бы то ни было сделке с ближним. Кроме того, за ту часть земли, которую он занимает или своим жилищем или обработкой поля, с него требуют еще более значительную часть его труда. Так что большая часть его труда, если он живет своим трудом, а не чужим, вместо того, чтобы облегчать и улучшать положения его и положения его семьи, уходит на эти подати, пошлины, монополии.

Мало и этого: человеку этому в одних, в большинстве государств велят, как только он войдет в возраст, поступать на несколько лет в военное, самое жестокое рабство и идти воевать; в других же государствах, Англии и Америке, он должен нанимать людей для этого же дела. И вот люди, поставленные в такое положение, не только не видят своего рабства, но гордятся им, считая себя свободными гражданами великих государств Британии, Франции, Германии, России, гордятся этим так же, как лакеи гордятся важностью тех господ, перед которыми они служат.

Казалось бы естественно человеку с не извращенными и не расслабленными духовными силами, застав себя в таком ужасном и унижительном положении, сказать себе: «да зачем же я буду исполнять всё это? Я хочу наилучшим образом прожить свою жизнь, хочу работать, кормить семью. Оставьте меня в покое с вашей Россией, Францией, Британией. Кому это нужно, те пускай соблюдают эти Британии и Франции, а мне они не нужны. Силою вы можете отобрать у меня всё, что хотите, и убить меня, но сам я не хочу и не буду участвовать в своем порабощении». Казалось бы, естественно поступить так, но никто не говорит этого и никто так не поступает.

Вера в то, что принадлежность к какому-нибудь государству есть необходимое условие жизни человеческой, так сильно укоренилась, что люди не могут решиться поступить так, как велит им их разум, их чувство добра, их прямая польза.

Люди, поддерживая свое рабство ради веры в государство, совершенно подобны тем птицам, которые, несмотря на то что дверь клетки открыта, продолжают сидеть в неволе отчасти по привычке, отчасти не понимая того, что они свободны.

Заблуждение это особенно странно в людях, удовлетворяющих сами своим потребностям, как земледельческие населения Германии, Австрии, Индии, Канады и др. и в особенности России. Людям этим нет никакой ни нужды, ни выгоды в том рабстве, которому они добровольно подчиняются.

Еще понятно, что городские люди не поступают так, потому что интересы их так переплетены с интересами правящих классов больших государств, что то порабощение, в котором они находятся, выгодно для них. Рокфеллер не может желать отказаться от повиновения законам страны, потому что законы этой страны дают ему возможность наживать и сохранять свои миллиарды в ущерб интересам массы народа; не могут желать отказаться и директора предприятий Рокфеллера, и служащие у этих директоров, и служащие у этих служащих. Так это для городских жителей. Это прежние дворовые по отношению крестьян: порабощение их полезно им. Но для чего покоряться этой ненужной им власти земледельческим народам, большинству русского народа?

Живет семья в Тульской губернии, в Познани, в Канзасе, в Нормандии, в Ирландии, в Канаде. Людям этим нет никакого дела до русского государства с Петербургом, Кавказом, Остзейским краем, с его манчжурскими захватами и дипломатическими хитростями. Точно так же и семье, живущей в Познани, — до Пруссии с Берлином и африканскими колониями; и ирландцу — до Британии с Лондоном и ее египетскими, бурскими и другими делами; и канзасцу — до Соединенных Штатов с своим Нью-Йорком и Филиппинами. А между тем эти

семьи должны отдавать определенную часть своих трудов, должны участвовать в приготовлениях к войне и в самой войне, затеваемой тоже не ими, а кем-то, должны повиноваться установленным не ими, а кем-то законам. Правда, что их уверяют, что, повинаясь во всех этих, имеющих самую большую важность для их жизни, делах неизвестным им людям, они, вследствие того, что выбрали одного из тысячи неизвестных им представителей, повинуются не другим людям, но сами себе. Но ведь верить этому может только тот, кому хочется и нужно обмануть себя и других.

Принадлежа к государству, человек не может быть свободен. И чем больше государство, тем больше нужно насилия и тем меньше возможна истинная свобода. Для составления одного целого из самых разнообразных народностей и людей, каковы Британия, Россия, Австрия, и удержания их в этом соединении, нужно очень большое насилие. Хотя и меньше насилия нужно для удержания соединений людей в малых государствах, как Швеция, Португалия, Швейцария, но зато в этих малых государствах труднее гражданам уклониться от требований власти, и сумма несвободы, насилия та же, как и в больших государствах.

Как для того, чтобы связать и держать вместе вязанку дров, нужна крепкая веревка и известная степень натянутости ее, так и для того, чтобы держать вместе в одном государстве большое соединение людей, нужна известная степень насилия и приложения его. Разница для дров может быть только в размещении их, в том, что не те, а другие дрова будут непосредственно сжаты веревкой, но сила, удерживающая их вместе, будет, при каком бы то ни было размещении дров, одна и та же. То же и с насильническим государством, какое бы оно ни было: деспотия, конституционная монархия, олигархия, республика. Если соединение людей держится насилием, то есть тем, что устанавливаемые одними людьми законы насилием приводятся другими в исполнение, то всегда будет одинаковое по степени силы насилие одних людей над другими. В одном месте оно будет проявляться грубым насилием, в другом денежной властью. Разница будет только в том, что при одном насильническом государственном устройстве насилие будет давить больше одних людей, при другом устройстве — более других.

Государственное насилие можно сравнить с черной ниткой, на которой свободно нанизаны бусы. Бусы — это люди. Черная нитка — это государство. До тех пор, пока бусы будут на нитке, они не будут иметь возможности свободно перемещаться. Можно сдвинуть их всех в одну сторону, и на этой стороне не будет видна между ними черная нитка, но зато на другой стороне большая часть нитки будет голая (деспотизм). Можно местами равномерно сдвинуть бусы, оставив между ними соответственные промежутки черной нитки (конституционная монархия). Можно между каждой бусой оставить небольшую часть нитки (республика). Но пока не будут бусы сняты с нитки, пока не будет разорвана нитка, не будет возможности скрыть черную нитку.

Пока будет государство и нужное для его поддержания насилие, в какой бы ни было форме, не будет, не может быть свободы, настоящей свободы, того, что всегда все люди понимали и понимают под этим словом.

«Но как же будут жить люди без государства?» обыкновенно спрашивают люди, так привыкшие к тому, что каждый человек, кроме того, что он сын своих родителей, внук своих

дедов и предков, живущий избранным им трудом, и, главное, кроме того, что он человек, еще и француз, или британец, германец, янки, русский, т. е. принадлежит к тому или иному насильническому учреждению, которое называется Францией с своим Алжиром, Аннамом, Ниццей и т. п., или к Британии с ее чуждыми ей населенными Индия, Египта, Австралии и Канады, или к Австрии с ее ничем внутренне не связанными народами, или к такому разноплеменному и огромному государству, как Соединенные Штаты или Россия. Люди так привыкли к этому, что им кажется, что жить, не принадлежа к этим не имеющим никакого внутреннего смысла соединениям, так же невозможно, как казалось людям невозможным тысячи лет тому назад жить без принесения жертв богам и без прорицателей, решающих поступки людей.

Как будут жить люди, не принадлежа ни к какому правительству?

Да совершенно так же, как они живут теперь, только не делая тех глупостей и гадостей, которые делают теперь ради этого ужасного суеверия. Будут жить так же, как теперь, не отнимая от своей семьи произведений своих трудов для того чтобы в виде податей и пошлин отдавать их на дурные дела неизвестным им людям, и не участвуя ни в насилии, ни в судах, ни в войнах, устраиваемых этими людьми.

Да, только это, не имеющее в наше время никакого смысла суеверие дает ту безумную, ничем не оправдываемую власть сотням людей над миллионами и лишает истинной свободы эти миллионы. Не может человек, живущий в Канаде, в Канзасе, в Богемии, в Малороссии, в Нормандии, быть свободен, пока он считает себя, и часто гордится этим, британским, североамериканским, австрийским, русским, французским гражданином. Не может и правительство, призвание которого состоит в том, чтобы соблюдать единство такого невозможного и бессмысленного соединения, как Россия, Британия, Германия, Франция, дать своим гражданам действительную свободу, а не подобие ее, как это делается при всяких хитроумных конституциях, монархических, республиканских или демократических. Главная и едва ли не единственная причина отсутствия свободы — суеверие государства. Люди могут быть лишены свободы и при отсутствии государства. Но при принадлежности людей к государству не может быть свободы.

Люди, участвующие теперь в русской революции, не понимают этого. Люди эти добиваются разных свобод для граждан русского государства, воображая себе, что в этом состоит цель совершающейся революции. Но цель и последний результат совершающейся революции гораздо дальше той, которую видят революционеры. Цель эта — освобождение от государственного насилия. И к этому великому перевороту ведет та сложная работа ошибок, злодеяний, совершающихся теперь на загнившей поверхности огромного русского народа, среди малой части его городских сословий, так называемой интеллигенции и фабричных рабочих. Вся эта сложная и большею частью исходящая из самых низких мотивов мести, злобы, честолюбия деятельность имеет для большого русского народа только одно значение: она должна показать народу, чего он не должен делать, и что он может и что должен сделать; должна показать всю тщету замены одной государственной формы насилия и злодеяний другой формой государственного насилия и злодеяний и разрушить в его сознании суеверие и нахождение государственности.

Русский народ, огромное большинство его, глядя на совершающиеся события, на все те новые формы насилия, проявляющиеся в жестокой революционной деятельности: погромы, разорения, стачки, лишаящие целые населения пропитания, и, главное, братоубийства, — начинает понимать, что дурно не только то прежнее государственное насилие, под которым он жил и от которого уже много пострадал, но и то новое государственное же насилие, которое проявляется теперь такими же, но только новыми обманами и злодействами, и что ни то, ни другое ни хуже, ни лучше, а оба худы, и надо избавиться от всякого государственного насилия и что это очень легко и возможно.

Народ, в особенности земледельческий русский народ, огромное большинство его, тот, который жил и живет, решая все свои общественные дела мирским сходом, не нуждаясь в правительстве, глядя на совершающиеся события, должен будет понять, что ему не нужно никакого, ни самого деспотического, ни самого демократического правительства, как не нужны человеку ни медные, ни железные, ни короткие, ни длинные цепи. Народу не нужны никакие отдельные свободы, а нужна одна, настоящая, полная, простая свобода.

И, как всегда бывает, решение кажущихся трудными вопросов бывает самое простое; так и теперь, для достижения не тех или иных свобод, а этой одной, настоящей, полной свободы, нужна не борьба с правительственной властью, не придумывание таких или иных способов представительства, могущих только скрыть от людей их состояние рабства, а только одно: неповиновение людям.

Пусть только народ перестанет повиноваться правительству, и не будет ни податей, ни отнятий земли, ни всяких стеснений от властей, ни солдатства, ни войн. Это так просто и так кажется легко. Отчего же люди не делали этого до сих пор и теперь еще не делают этого?

А оттого, что для того, чтобы не повиноваться правительству, надо повиноваться Богу, т. е. жить доброй, нравственной жизнью.

Только в той мере, в которой люди живут такую жизнь, то есть повинуются Богу, могут они и перестать повиноваться людям и освободиться.

Нельзя сказать себе: «дай я не буду повиноваться людям». Не повиноваться людям можно только тогда, когда повинешься высшему, общему для всех закону Бога. Нельзя быть свободным, нарушая высший, общий закон взаимного служения, как нарушают его всей своей жизнью люди богатых, городских классов, живущие трудами рабочего, особенно земледельческого народа. Свободен может быть человек только в той мере, в какой он исполняет высший закон. Исполнение же этого закона не только трудно, но почти невозможно при городском, фабричном устройстве общества. Оно возможно и легко только при земледельческой жизни.

И потому освобождение людей от повиновения правительствам и от признания искусственных соединений государств, отечества должно привести их к естественной, радостной и наиболее нравственной жизни земледельческих общин, подчиняющихся только своим, доступным всем, основанным не на насилии, а на взаимном согласии установлениям.

В этом сущность предстоящего христианским народам великого переворота.

Как произойдет этот переворот, какие перейдет ступени, нам не дано знать, но мы знаем, что он неизбежен, потому что он совершается и отчасти уже совершился в сознании людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь людей только в том и состоит, что время дальше и дальше открывает скрытое и показывает верность или неверность пути, по которому они шли в прошедшем. Жизнь есть уясняющееся сознание ложности прежних основ и установление новых и следование им. Жизнь человечества, так же как отдельного человека, есть вырастание из прежнего состояния в новое. Вырастание же это неизбежно сопровождается сознанием своих ошибок и освобождением от них.

Но бывают времена, когда в жизни как отдельного человека, так и всего человечества, сразу открывается ясно та ошибка, которая сделана была в направлении прошедшего, и выясняется та деятельность, которая должна исправить эту ошибку. Это времена революций. И в таком положении находятся теперь христианские народы.

Человечество жило по закону насилия и не знало никакого другого. Пришло время, и передовые люди человечества провозгласили новый, общий всему человечеству закон взаимного служения. Люди приняли этот закон, но не во всем его значении, и, хотя и старались применить его, продолжали жить по закону насилия. Явилось христианство, которое подтвердило людям истину о том, что есть только один закон, общий всем людям, дающий им наибольшее благо, — закон взаимного служения, и указало на причину, по которой закон этот не был осуществлен в жизни. Он не был осуществлен потому, что люди считали необходимым и благотворным употребление насилия для благих целей и считали справедливым закон возмездия. Христианство показало, что насилие всегда губительно, и возмездие не может быть применяемо людьми. Но христианское человечество, не приняв этого разъяснения общего всем людям закона взаимного служения, хотя и желало жить по этому закону, невольно продолжало жить по языческому закону насилия. Такая противоречивая жизнь всё увеличивала и увеличивала преступность жизни и внешние удобства и роскошь меньшинства, увеличивала и рабство и бедствия большинства в христианских народах.

В последнее время преступность и роскошь жизни одной части и бедствия и рабство другой части людей христианского мира дошли до высшей степени, особенно среди народов, давно уже оставивших естественную жизнь земледелия и подпавших обману мнимого самоуправления. Народы эти, страдая от бедственности своего положения и от сознания противоречия, в котором они находятся, ищут спасения везде: в империализме, милитаризме, социализме, захватах чужих земель, во всякого рода борьбе, в тарифах, технических усовершенствованиях, в разврате, во всем, только не в том одном, что может

спасти их, — освобождение себя от суеверия государства, отечества и прекращение повиновения государственной насильнической власти, какая бы она ни была.

Вследствие своей земледельческой жизни, вследствие отсутствия обмана самоуправления, вследствие своей многочисленности и, главное, вследствие удержавшегося в нем христианского отношения к насилию русский народ, после жестокой, ненужной и несчастной войны, в которую он был вовлечен своим правительством, и после неудовлетворения требований о возвращении ему отнятой у него земли, — русский народ прежде других народов почувствовал главные причины бедствий христианского человечества наших времен, и потому именно среди него начнется тот великий переворот, который предстоит всему человечеству и который один может спасти его от его ненужных страданий.

В этом значение начинающейся теперь в России революции. Революция эта не началась еще среди народов Европы и Америки, но причины, вызвавшие революцию в России, те же для всего христианского мира; та же японская война, показавшая всему миру неизбежное в военном деле преимущество языческих народов перед христианскими, те же дошедшие до последней степени напряжения вооружения больших государств, не могущие никогда кончиться, и то же бедственное положение и всеобщее недовольство рабочего народа вследствие отнятого у него его естественного права на землю.

Большинство русских людей ясно видят, что причина всех претерпеваемых ими бедствий — повиновение власти и что русским людям предстоит одно из двух: или перестать быть разумными, свободными существами или перестать повиноваться правительству.

И то же самое, если и не видят теперь из-за суеты своей жизни и обмана самоуправления, то очень скоро увидят народы Европы и Америки. Участие в насилии правительств больших государств, которое они называют свободой, привело и ведет их к всё большему рабству и к бедствиям, вытекающим из этого рабства. Увеличивающиеся же бедствия неизбежно приведут их к единственному средству избавления от них: прекращению повиновения правительствам и, вследствие прекращения повиновения правительствам, уничтожению государственных насильнических соединений.

Для того чтобы совершился этот великий переворот, нужно только, чтобы люди поняли, что государство, отечество есть фикция, а жизнь и истинная свобода есть реальность; и что поэтому не жизнью и свободой надо жертвовать для искусственного соединения, называемого государством, а ради истинной жизни и свободы — освободиться от суеверия государства и вытекающего из него преступного повиновения людям.

В этом изменении отношения людей к государству и власти — конец старого и начало нового века.

Комментарий И.Петровицкой

В сентябре 1905 г. Толстой записывает в Дневнике: «Совсем кончил “Конец века” В сентябре 1905 г. Толстой записывает в Дневнике: «Совсем кончил “Конец века” и редко был так доволен тем, что написал. Это поймут меньше, чем что-либо из того, что я писал, а между тем это оставит след в сознании людей». Этой статье Толстой придавал большое значение, верил, что «хоть несколько людей, прочтя ее, задумаются над тем, что они делают и что надо делать», и стремился напечатать ее поскорее.

Статью писатель начинает с объяснения ее заглавия: «Век и конец века на евангельском языке не означает конца и начала столетия, но означает конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей и начало другого мировоззрения, другой веры, другого способа общения». Действительно, поставленная в статье проблема мало соприкасалась с конкретной эпохой перехода от девятнадцатого к двадцатому столетию.

Толстой ощущал приближение новой эпохи в истории человечества; он видел, что время пришло. Стремительно развивающиеся события – поражение в русско-японской войне, начавшаяся революция 1905 г. – помогут всем осознать вопиющее противоречие между устройством жизни, основанном на насилии, и христианским учением любви. Переход одного века в другой чреват различными бедствиями: «Неизбежно должны будут происходить большие волнения, жестокости, обманы, предательства, всякого рода беззакония, и вследствие этих беззаконий должна охладеть любовь, самое важное и нужное для общественной жизни людей свойство».

В мае 1905 г., завершая статью «Великий грех», Толстой видел, что события совершаются стремительно, «не дают мне спокойно заниматься теми работами, которые более свойственны моему возрасту, а заставляют отзываться на совершающееся». Толстой также в статьях «Конец века» и «Правительство, революция и народ» писал о том, что события требуют немедленного отклика: «Опять буду писать о современном, хотя и не хотел больше на современные события откликаться. Разгром флота – событие, которое будет иметь, вероятно, последствием усиление революционного движения, если правительство не заключит мира, и духовный подъем». И заметил: «Но последний разгром флота вызывает ряд мыслей, которые надо высказать».

Толстому был очевиден «неизбежный переворот» в духовном сознании людей, который должен утвердить новое, истинно христианское мироощущение. Признаки «наступающего переворота» названы Толстым необычайно точно; они проявляются «в напряженной борьбе сословий во всех народах, в холодной жестокости богачей, в озлоблении и отчаянии бедных; в безумном, бессмысленном, все растущем вооружении всех государств друг против друга; в распространении неосуществимого, ужасающего по своему деспотизму и удивительного по своему легкомыслию учения социализма; в ненужности и глупости возводимых в наиважнейшую духовную деятельность праздных рассуждений и исследований, называемых наукой; в болезненной развращенности и бессодержательности искусства». Главное – «в сознательном отрицании всякой религии, в признании законности подавления слабых сильными».

Толстой убежден, что насильнические революции отжили свое время, что истинную свободу принесет революция духовная, нравственная, когда передовые люди провозгласят «новый,

общий всему человечеству высший закон взаимного служения».

Статья писателя пронизана тревогой – ведь «люди, производящие теперь революцию в России, думают, что, насилем свергнув существующее правительство и насилем учредив новое», они достигнут своей цели – свободы. Толстого страшит «суетливая и недобрая деятельность, которой теперь заняты либералы и революционеры»: они стремятся лишь переменить старую форму насилия на новую, останавливают ход совершающегося подлинного переворота. С горечью Толстой размышляет о несоответствии образа жизни большинства людей христианским заповедям. Ему кажется, что это противоречие достигло наивысшей точки, что чаша зла, насилия переполнена, что ничто не остановит наступление великого переворота и что он начнется именно в России.

Писателя ужасала стремительная милитаризация государств, тратящих огромные средства на изобретение орудий убийства, «дающих возможность одному слабому человеку убивать сотни». Это, по мнению Толстого-мыслителя, «лжехристианский» закон, основанный на праве сильного, противоречащий евангельским заветам. С горьким сожалением Толстой писал о том, что «христианские народы» превратились «во вражеские войска, отдающие все свои силы на вооружения друг против друга и готовые всякую минуту растерзать друг друга». Они вооружили против себя «и ненавидящие их, и поднявшиеся против них нехристианские народы».

Но Толстой убежден: «Величайшая плотина в мире не может задержать источника живой воды. Вода неизбежно найдет себе путь или через плотину, или размыв, или обойдя ее. Дело только во времени».

Статья печаталась одновременно в Англии в изд. «Свободное слово» в декабре 1905 г., и в переводах в иностранных газетах, и в России в петербургском издательстве «Обновление» в 1906 г.; затем на всех языках в Европе и Америке.

ПСС, т. 36.

Версия #2

Зверобой создал 29 марта 2025 10:17:24

Зверобой обновил 29 марта 2025 10:57:01